

Введение

Наука в эпоху перемен (тема этоса)*

Наука в который раз в своей истории кардинальным образом переосмысляет свое место в культуре, роль и предназначение в жизненном мире человека. Существует устойчивая традиция, согласно которой в кризисные и переломные моменты научное познание обращается к исследованию своих оснований, пытаясь выделить и сохранить в них неизменными проверенные на практике внутри научные критерии, нормы и ценности, призванные обеспечить статус науки в системе общества. Мы, отмечая это традиционное рассмотрение уверенности науки в своей внутренней самодостаточности, не можем не заметить одновременно активизацию влияния на статус современной науки духовных, социальных и общественных ожиданий и опасений. Последнее обстоятельство связано, в первую очередь, с повсеместно распространенной в обществе неоднозначностью толкования успехов науки и техники, явных просчетов в практическом применении достижений науки. Такие просчеты убедительно демонстрируют и мощь, и уязвимость, как науки, так и экзистенциального положения человека в наличном бытии.

Отмеченные тенденции, дают нам основание заключить, что наука, в который раз, но уже в иных обстоятельствах, вступает в зону парадоксальности самоосмысления (автореферентности), продолжая традицию осваивания опыта преодоления внутренних пределов и ограничений, через иное, внешнее. Ведь одно дело заявлять, что всякое утверждение обусловлено социо-культурно. Другое – применить *истину* этого утверждения к самому заявлению. В сложившихся экстремальных обстоятельствах важно ответственно и осознанно «войти в парадокс» автореферентности¹.

Тема этоса науки в эпоху перемен приобретает особую актуальность. Научный этос, согласно Р. Мертону представляет собой совокупность норм, усвоение которых обеспечивает приобщение конкретного человека к научному сообществу, согласованную деятельность науки как социального института, эффективность научных исследований. Примечательным является тот факт, что стремление Мертона в свое время сформулировать общезначимые регулятивы научной де-

---

* Авторская и редакторская работа проводилась в рамках проектов РГНФ № 05–03–9311а/Ук.; №04–03–00371а

¹ *Ахутин А.В.* Парадоксы культурологии // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество. М., 2005. С. 12.

тельности, которые выступали бы в роли защитительного барьера, сохранения автономии и чистоты научного познания, совпало по времени с проявившимся негативным опытом лысенковщины в СССР и евгеники в нацистской Германии. Ведь не секрет, что давление идеологий, господствующих в обществе, зачастую ведет к нарушению ценностей и норм научного познания (не только по Р.Мертону) и влияет на статус науки и научного сообщества в обществе.

В наши дни переосмысление, с одной стороны, самой наукой и, с другой – обществом статуса научного познания проходит на фоне бурно протекающих процессов внутринаучной перестройки. Появляются иные формы отношений между академической наукой, научно-исследовательской деятельностью и обществом. Увеличивается коммерциализация науки, возникают новые формы организации «производства» научного знания.

В задачи монографии не входило специальное, в исторической ретроспективе, рассмотрение взаимоотношений науки и общественного сознания. Однако нельзя не отметить, что еще в начале XX века роль науки оценивалась однозначно позитивно. Наука воспринималась как важнейший фактор существования европейской культуры в целом. Э.Гуссерль отмечал, что «когда с началом Нового времени религиозная вера стала все более вырождаться в безжизненную условность, интеллектуальное человечество укрепилось в новой великой вере – вере в автономную философию и науку. Научные усмотрения должны были освещать и вести за собой всю человеческую культуру, придавая ей тем самым новую автономную форму»². Это завораживающее влияние росло вместе с «благополучием», зависевшего от позитивных наук³. Столь однозначно положительная оценка значения науки теперь ставится под сомнение. Гуссерль видел в таком сомнении источник кризиса европейской культуры – угрозу потери ее самоидентичности, очевидным образом связывая это явление с аналогичными трансформации в самой науке.

Наука, оставаясь важнейшим фактором современной культурной жизни, вместе с тем теряет традиционную для себя центральную позицию. Становится более умеренной в претензиях на истинное познание мира в целом. Паритетное отношение к ней приобретают многообразные формы архаического, эзотерического, религиозного, обыденного и т.п. производства знания в обществе. Обсуждение проблемы измене-

² Гуссерль Э. Картезианские медитации. СПб. 2001. С. 54.

³ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. М., 1994. С. 53.

ния этоса современной науки, представленное в книге, позволяет выявить некоторые существенные тенденции данного процесса и, прежде всего, своеобразие современных отношений между наукой и обществом.

Мы исходили из существующего сегодня понимании науки не только как *системы развивающегося знания, нацеленного на объективированное, системное и обоснованное знание о мире*, но и как *сферу деятельности специфического, профессионального сообщества*, и как *один из социальных институтов общества*. Три указанные ипостаси научного познания представляют собою один и тот же объект, но, следуя до недавнего времени господствующей тенденции к его дифференциации, анализировались в рамках различных специальностей. Наука как способ познания мира автономно и независимо разрабатывалась в теории познания и философии науки. Наука как социальный институт и как сфера деятельности составили предмет социологии науки, чье появление в качестве отдельной специальности западной социологии, как известно, датируется началом шестидесятых годов прошлого века. Однако определение науки, которое мы взяли за начало рассуждения, указывает на нерасторжимое единство когнитивного и социального аспектов науки, и в целом научного познания. Следуя современной интенции рассмотрения науки как сложноорганизованной развивающейся системы открытого типа, можно сделать следующий шаг в ее понимании. Определения, некогда дробящие целостное представление о науке по различным специальностям научного познания, вступают во взаимодействие, трансформируются, усложняя как ее структуру, так и процесс самореференции научного познания. Отмеченные тенденции находят свое проявление в актуализации значения ответственного выбора ученым и научным сообществом основания, обоснования и обоснованности результатов научной деятельности. Речь идет уже о переосмыслении роли, места и особенностей современной философии в культуре. Философия все более становится «непритязательной философией», смещается к позиции «местоблюстителя» и «интерпретатора», оставляя «притязания на то, чтобы раз и навсегда прояснить основания наук, раз и навсегда прояснить границы опытного познания», указывать наукам их место⁴. Она отслеживает «философский элемент *внутри* наук», мысль, способную к философскому развитию, имеющую универсальный смысл, и в то же время поднимающую вопрос, доступный эмпирической разработке⁵.

⁴ *Хабермас Ю.Х.* Философия как «местоблюститель» и «интерпретатор» // *Хабермас Ю.Х.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 8–9.

⁵ Там же. С. 26, 27.

Основное конфликтное напряжение между познавательными и социальными факторами, определяющими феномен науки в новейшее время, как известно, выразилось в развитии концепции культурно-исторической детерминации научного познания. Встала задача продуктивной эпистемологии, которая не может развиваться в отрыве от социально-психологического аспектов научного познания. Эпистемологические понятия должны анализироваться и разрабатываться в «многомерном пространстве», образуемом совокупностью когнитивных и социальных измерений науки⁶. Исходя из перспективы рассмотрения в целостности «многомерного пространства» современной науки, структура книги условно разделена на три части.

Тематика первого раздела «Этос науки: историко-культурологический аспект» посвящена культурно-исторической детерминации современного научного познания, особой роли преемственности, сохранения и трансформации традиции, которые дают возможность отследить и понять, «что значит знать» в современных условиях. Тематика второго раздела «Методология междисциплинарного анализа этоса науки» акцентирована на рассмотрении особенностей теоретико-методологического, междисциплинарного анализа научного познания в сложившихся обстоятельствах нашего времени и влияния этих особенностей на общественное сознание. При этом подчеркнем, что как первый раздел, так и второй ориентированы на целостное представление современного научного познания и его роли и значения в общественном сознании. Одной из возможностей представить искомую целостность дает перспектива рассмотрения ее с точки зрения этоса современной науки.

Тема этоса науки поднимает целую серию взаимно перекликающихся вопросов. Насколько своевременно и современно обращение к теме этоса? Какие причины определяют ее актуальность? Какое приращение смысла дает этот поворот рассмотрения к ставшему уже традиционным исследованию научного познания в социальном или культурном контексте? Может ли этос науки стать той «единицей» измерения, которая даст возможность зафиксировать явно выраженные в производстве современного научного познания как интеграционные, так и дезинтеграционные тенденции и в то же время представить механизм самоорганизации современного научного познания в целом?

⁶ *Порус В.И.* На пути к сравнительной эпистемологии // *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М., 1999. С. 17–18.

Общий позитивный ответ может быть получен, если в основе этоса науки будут просматриваться фундаментальные познавательные отношения, формирующие самого человека и мир, созданный с другими людьми в акте совместного существования. В таком ракурсе рассмотрения познавательные отношения изначально сопряжены с этикой, с фактом признания в этом отношении правомерности и необходимости сосуществования людей совместно и по-разному познающих реальность. В этом плане естественно встает проблема формирования и функционирования науки как коммуникативного сообщества. Самоорганизующаяся, междисциплинарная структура современной науки, ориентированная на разрешение кризисных явлений современности, предполагает одновременный учет философских, теоретико-познавательных, социальных и антропологических аспектов применительно к конкретным случаям практически значимых проблем.

В третьем разделе книги «Этос науки: казусы и их истолкования» современные трансформации этоса науки представлены в *реальных событиях* современного производства научного знания. При таком подходе динамика преобразований этоса современной науки приобретает, с одной стороны, более конкретный, не отвлеченный от жизни современного общества характер, с другой, — наполняет содержанием представление об изменениях в общенаучной картине мира.

С этой точки зрения рассмотрение этоса современной науки (а не традиционное рассмотрение научного этоса, скажем, по Мертону) дает возможность представить перспективу целостного рассмотрения состояния научного познания, учитывающую частные случаи его становления. Статус науки, определяющийся местом науки в системе культуры, совокупностью скорелированных внутренних и внешних предписаний ее жизнедеятельности особым образом само настраивает указанные состояния. «Детерминированный хаос», который налицо присутствует в системе современного производства научного знания, заставляет думать о смене формы самоидентичности науки. Утраченная самоидентичность, о которой говорил Гуссерль, свидетельствует лишь об утрате самоощущенности. Эпоха перемен выявляет иной, опосредованный характер отношения научного познания к самому себе. Становится все более очевидным, что самоидентичность принимает характер самоподобия, дающего возможность отследить не только моменты устойчивости, но и эффекты неопределенности, становления науки и Бытия в целом.

В этой ситуации вряд ли может идти речь о раз и навсегда установленных закономерностях современного научного познания. Нам дано отметить и описать некоторые тенденции, принципы рассмотрения, отнюдь не предполагающие законченного, завершенного вида.

К ним можно отнести:

– прояснения оснований многообразия форм самоидентичности познающего разума во взаимоотношениях науки и общества;

– общего настроения обеспокоенности и ответственности за судьбу развития науки и современной культуры;

– толерантности, открытости в отношении к инакомыслию как стилю современного рационального познания и философствования – не только право другого на собственное мнение, но и нужда в другом знании для восполнения собственного;

– стремления к достижению договоренности на основе междисциплинарного диалога, обращения к языку, учитывая неполноту взаимных интерпретации и перевода дисциплинарных дискурсов;

– установки на междисциплинарность, предполагающую, что полнота ответа на вопрос «что значит знать?» зависит от доверительности совместного коммуникативного усилия;

– практического (в кантовском смысле – обращенного к основаниям морали), а не только онтологического и гносеологического ракурсов рассмотрения проблемы этоса современной науки.

Этими же принципами, мы надеемся, будет руководствоваться и наш читатель. При этом мы отдаем себе отчет, что, походу чтения книги, встанет ряд вопросов по существу самого обращения к феномену этоса современной науки, на которые читатель будет искать и свои ответы.

Лариса Киященко